

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

СИБИРСКИЙ ИЗБОРНИК

От имени любви с тобою говорю...
Валерий Козлов, Кемерово

“Антология” в переводе с греческого буквально означает “собрание цветов” – впрочем, это общеизвестно. В русском языке долгое время существовало другое название для книг, представляющих литературу народа определённого исторического периода или литературного течения: “изборник”. В этом слове (вот преимущество родного языка!) отчётливо прочитывается целый пласт смыслов. Избирается, как правило, то, что наиболее ярко представляет идеи составителя. Но и сама возможность избирательного подхода показывает: явление масштабно, и есть из чего выбрать.

Логично, что рубеж веков стал в России временем антологий. За постоянно увеличивающимся количеством стихотворных “собраний” стоит напряжённая поэтическая жизнь. Жизнь, которая сегодня “отпущена на волю”, в свободный поиск. Жизнь, существование (и необходимость!) которой уже приходится объяснять и доказывать...

Само поэтическое мироощущение сформировалось в диалоге человека со стихиями Природы, в поиске взаимопонимания со стихиями природы собственной. Поэзия как форма философствования, погружённая в ежедневную реальность, практически растворённая в быте, для нашей культуры всегда была воздухом жизни, формой и содержанием связи человека с Миром как целым. Миром, где любой малости отведены своё место и своя роль, где в общей ткани бытия накрепко переплетены сосуществование человека и других Божьих творений, где самое страшное – разорвать эту ткань и выпасть в прорыв небытия.

Человеческая личность в поэтическом измерении имеет необозримое пространство для роста, практически бесконечную перспективу развития. Среди множества задач, которые решает поэзия одним своим существованием, главная задача – смыслообразование, обнаружение и “обживание” новых, всё более тонких и совершенных связей человека с Миром. Всё остальное – идеология, политика, экономика – только результат того или иного видения мира, не очень умелые попытки реализации основных жизненных смыслов.

Без поэтического воздуха, без поиска новых смысловых связей человека с окружающей его сложной, многослойной реальностью идеология, политика и экономика неизбежно обречены на поиск “по горизонтали”, на смену одной бесперспективной модели существования на другую, как правило, ещё более бесперспективную, агрессивную и затратную. Вспомним, например, как быстро исчерпала себя потребительская модель человеческого мира и как она загнала в очевидный тупик всю европейскую цивилизацию! И в каких направлениях идут поиски выхода...

Поэзия – поиск “по вертикали”, воздух иных высот. Трагедия в том, что воздух, пока он есть, не замечаешь. И когда его становится меньше – тоже

замечаешь не сразу: ну, слегка кружится голова, почему-то темнеет в глазах... Понимание наступает слишком поздно: когда вдохнуть уже нечего. Пишут в рифму и без неё сегодня очень многие, возможности выхода в свет многократно возрастают благодаря интернету, но собственно поэтических коммуникаций, поэтического миропонимания становится всё меньше: во-первых, усиливаются деструктивные процессы в самой поэзии, во-вторых, социокультурный статус поэта с начала 90-х изменился на диаметрально противоположный.

Поэт теперь воспринимается публикой либо как более или менее удачливый шоумен, либо как безнадёжный неудачник, вечный попрошайка у власть и деньги имущих — ну надо же где-то доставать средства на издание очередного сборника, нужного только самому автору! Место живого поэтического диалога официально заняли рифмованные юмористические шоу, изысканно-филологическое препарирование поэтических текстов и распили более или менее престижных премий.

Поэзия как социально значимое явление всё больше замыкается в самой себе, маргинализируется и постепенно утрачивает свою жизнотворящую роль. Трещина между поэзией и реальностью сегодня неотвратимо увеличивается, как увеличивается пропасть между духовной сущностью русского человека и формами бытия, активно навязываемыми ему извне. А реальность между тем наступает на нас широким фронтом гуманитарных, техногенных и природных катастроф... Чем всё завершится — вопрос открытый. Но большинство антологий рубежа веков, представляющих современную русскую поэзию, всеми силами стремится создать своеобразную “кислородную подушку”, показать в развитии и усилить повторением магистральную мысль, жизненно необходимую сегодня для осмысления происходящего. Приведу из множества два примера.

Вышедшая на рубеже веков трёхтомная “Антология русского лиризма. XX век”, созданная студией Александра Васина, утверждает основополагающее свойство русского характера, обозначая его как лиризм — выраженное ощущение необозримой глубины бытия, частью которого является человек. Антология на широком поэтическом полотне показывает, что за пределами человеческого “рацио” предугадывается не хаос, а более совершенный миропорядок, более высокая степень гармонии. И человек призван эту гармонию постигать, быть её частью...

Антология современной поэзии “Наше время”, изданная Борисом Лукиным в 2009 году, представляет поколение, оказавшееся на границе двух мифологий — советской и “демократической”, и самой жизнью вынужденное искать реальные, нерушимые опоры человеческого бытия. По неофициальной статистике, выжил из рождённых в шестидесятые только каждый пятый, но поэтическое поколение состоялось, сбылось — в ситуации отторжения поэзии, разрушения поэтических связей, превращения истинного поэта в безнадёжного маргинала.

Антология “Русская сибирская поэзия. XX век”, изданная в 2008 году в Кемерово (о ней, собственно, и пойдёт разговор), встаёт в ряд подобных изданий со своим, особым смыслом. Она собрана по территориальному принципу. Территория обозначена на колонтитулах: “от Уральских гор до Тихого океана”. Размах не только впечатляет — действительно, русский размах! Он заставляет думать о том, что пока пестротканая Европа ищет основания для объединения и оправдания для глобализации, колоссальные пространства русской земли дышат одним поэтическим воздухом, мыслят в пределах единого образа мира и гармонично вписывают в этот мир существование иных поэтических языков, иных способов мировидения. Изборник сибирской поэзии — очередная “кислородная подушка” для задыхающейся, обесмысленной русской жизни!

Идею антологии благословил ещё Виктор Петрович Астафьев, более пяти лет она собиралась на огромных пространствах Сибири и Урала. Как пишут составители Б. В. Бурмистров (автор и руководитель проекта), В. М. Баянов и С. Л. Донбай во вступительном слове: “Нам присылали книги, региональные антологии и просто рукописи известные и неизвестные нам поэты... Шумела тайга, работали могучие сибирские реки — Енисей, Ангара, Обь, Амур, обдавали ледниковой прохладой горные потоки Алтая, степи, тундра, вечная мерзлота, два великих океана, Ледовитый и Тихий — всё это присутствовало

не понаслышке, а воочию в стихах поэтов. Поэтов разных национальностей, которых объединили Сибирь и “великий могучий русский язык”... И провинция – хранительница русского языка – предстаёт на страницах книги”.

Размах “от Уральских гор до Тихого океана” впечатляет и обязывает. В изборок вошли стихи 435 поэтов, представляющих XX век поэтической Сибири, 480 страниц фолианта включают в себя вклейки с фотографиями авторов. И в конце книги – список благодетелей, в котором 39 человек – руководителей, государственников, поддержавших издание, понимающих необходимость присутствия поэзии в сложнейший момент русской истории.

Какой же предстаёт огромная русская провинция, что хранит она как зеницу ока, о чём перекликаются поэты через разделяющие их тысячи и тысячи километров? Антология представляет вовсе не “вековую тишину” в глубине России – это собрание высоких, искренних, страстных монологов о жизни, это стихи, действительно растворённые в повседневности, простые и необходимые как воздух.

Во-первых, конечно, сразу прочитывается география родины – в её реках, горах, в силе её стихий. Очень сложно цитировать, выбирая строки из такого количества представленных текстов, поэтому открываем почти наугад, в подтверждении мысли: “Как для прыжка, легла и жглась // Река в предчувствии дождя. // Гроза над Обью надвигалась, // Тяжёлый грохот громаздя...” (Евгений Березницкий, погиб на фронте в 1941 году). Или ещё: “Воздух такой синий, // Так хорошо, Боже! // На тополях иней, // На проводах тоже. // Снега лежат пышно, // И ни души нету. // Что ни скажи, слышно, // Знать, по всему свету...” (Геннадий Карпунин, 1939–1998.)

Второе сильное впечатление от сибирского поэтического полотна – безусловная включённость поэтов в бытие родной земли. Собирательный лирический герой всего изборока – не “человек мира”, кочующий в поисках наибольшего комфорта, а работник, согревающий землю и благодарный ей за красоту и щедрость. Человек, обязанный своей земле. Эта традиция отношения к жизни постепенно, к несчастью, “пересыхает” в городах, где мы отделены от природы каменными стенами, остаёмся один на один с хаосом своего внутреннего мира и почему-то начинаем думать, что поэзия призвана буквально отображать душевные изломы и вывихи или – того хуже – веселить почтенную публику острым словом...

Третий момент, прямое следствие предыдущего: соответствие человека миру и мере стихий родной земли. Оно и понятно: в Сибири по-иному не выжить. Без того самого диалога с Природой, пространством, без прямой речи, слышной “по всему свету”, не добраться от Уральских гор до Тихого океана и ничего не построить на суровой земле. “В степях немятый снег дымится, // Но мне в метелях не пропасть, – // Одну руку в рукавицу // Горячую, как волчья пасть...” (Павел Васильев, расстрелянный в 1937 году). “Я человек, воспитанный Морозом, // Который в чаще нашей вековой, // Сковав живое ледяным наркомом, // Звенит, как сталь, и жилы рвёт берёзам, // Склонившимся под ношей снеговой... // ...Во всём присуща Северу безбрежность, // Безмерность сил, достойная богов, // И потому любовь моя и нежность // И ненависть порой (как неизбежность!) // Не знают сил, не знают берегов...” (Роман Данилов, Якутия).

Четвёртая мысль, охватывающая весь объём изборока: в него включены не только русские стихи – среди авторов алтайцы, долгане, тувинцы, армяне, эвенки, якуагиры, чукчи... Этот список можно продолжать, перелистывая страницу за страницей, но удивляет не количество объединённых в сибирской поэзии национальностей, а органичность их пребывания в пределах единого поэтического полотна. И это требует особого пояснения.

Русская культура относится к культурам, сохранившим пока ещё свою целостность. С точки зрения Запада, это очень нерационально. В ряде учебников по культурологии, переданных в 90-е годы в российские вузы по специальной программе Сороса, указывается, что русская культура не имеет ценностно-смыслового ядра, и ей, чтобы обрести смысл существования, необходимо заимствовать ценности где-нибудь, а лучше всего – на Западе. Между тем исследований целостных культур в науке практически нет, не разработан даже научный инструментарий для этого.

Но перелистайте антологию, и станет очевидным одно из наших колоссальных преимуществ: русская культура в силу своей целостности включает в

себя иные элементы как гармоничные части, не деформируя их, а, скорее, приспособляясь сама. Насколько разнятся поэтические миры коренных народов Севера и тех, кто заселил Сибирь позже! Но они не отменяют, а, напротив, дополняют, оттеняют друг друга, увеличивая смысловой объём изборника, и в основе друг другу соответствуют.

Изборник представляет разные поэтические жанры: есть юмор, есть стихи для детей – но их немного. В основе своей антология лирична, и лиризм выражается в традиционной форме. Приверженность традиции сегодня в поэзии зачастую рассматривается как несовременность: в век потребления от поэтов ежедневно ждут “чего-нибудь эдакого”, в крайнем случае – “чего-нибудь новенького”. Но поэзия – не литература в прямом смысле слова, она – аккумулятор особого состояния, алгоритм переживания высоких чувств в противовес чувствам обыденным и низким.

Здесь есть одна немаловажная особенность. Поэзия – пространство, разворачивающееся не по горизонтали смыслов, а в глубину (или высоту, если угодно), и чем строже форма, тем яснее и чище глубина. Точно так же происходят и развитие личности, и развитие культуры. И выход из цивилизационных тупиков очевидно находится не в плоскости освоения новых рынков, а по вертикали развития новых смыслов человеческого бытия на земле.

Сибирский изборник – масштабное поэтическое полотно, повод говорить о явлениях глобальных. При этом каждый из поэтов переживает своё родство с Миром и выражает свои чувства собственными словами. Интересными могли бы стать глубокое исследование образа мира сибирских поэтов, исторический сюжет книги, выразительные средства. И очень важно, чтобы все дальнейшие исследования не замыкали книгу в круг филологических дискурсов, а вели её к читателю, которому близко и понятно живое чувство: *“Мне горло перехватывают воды // Из родников на родине моей...”* (Иван Мордовин, Барнаул).